
**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ

РЕВАНШИСТ

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д75

Серия основана в 2010 г.

Разработка серийного оформления
художника *А. Матвеева*

В оформлении переплета использована работа
художника *Е. Гондик*

Дроздов, Анатолий Федорович.

Д75 Реваншист / Анатолий Дроздов. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 448 с. — (Новые герои).

ISBN 978-5-04-090268-2

Современный и не слишком удачливый писатель Сергей Девойно получает шанс прожить жизнь заново. Его сознание переносится в 1975 год в тело... самого Сергея, тогда еще только мечтающего о литературе. Он снова слесарь Минского тракторного завода, сирота, живет в общежитии, беден. Незавидные стартовые условия. С одним лишь исключением – он помнит все, что произошло с ним, страной и миром в будущем, а значит, может попытаться изменить не только собственную судьбу, но и ход мировой истории. Для начала Сергеем нужно стать человеком, к которому станут прислушиваться. А чем не способ прославиться, написав, к примеру, «Гарри Поттера» на русском языке и на сорок лет раньше?..

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-090268-2

© Дроздов А., 2018

© ООО «Издательство «Э», 2018

Светлой памяти родителей моих

Глава 1

Вокруг была тьма.

Но не ночь — та не бывает такой непроглядной. Как ты ни укрывай окна шторами, свет все равно пробьется, и привыкший к темноте глаз различит проступающие в серой мгле стены и мебель. На забытье мое состояние тоже не походило: ведь я размышляю? Сон? Сны не бывают черными, это миф. Спящий человек всегда что-то видит: людей, животных, дома, природу... Ничего подобного вокруг не наблюдалось: тьма стояла плотная, почти осязаемая. Я попробовал пошевелить руками, затем ногами — ничего не вышло. Я вообще не чувствовал своего тела — его будто и не было. «Значит, я умер, — пришло осознание. — Дочь обрадуется».

Странно, но эта мысль почему-то не взволновала. Да и с чего? Со дня, как меня вышвырнули на пенсию, я не шел, а бежал к могиле. Выбирался из квартиры лишь в магазин за очередной партией бухла и квасил до посинения, пропивая остатки сбережений и печень. Печень, на удивление, выдержала, а вот сердце — нет. Когда грудь сдавило и накатил страх,

инстинкт заставил меня уцепиться за жизнь. Я вызвал «Скорую» и открыл дверь. Затем упал — там же, в прихожей. Это было последним, что я помнил.

«Интересно, где я умер: дома или в больнице?» Мысль мелькнула, чтобы пропасть: какая разница? «Где меня похоронят?» Да не все ли равно? Дочь наверняка выберет кремацию — так дешевле. Урну с прахом забирать не станет — сейчас многие так поступают. Зачем возиться? Из крематория позвонят раз-другой и уgomонятся. Урну где-нибудь прикопают. На колумбарий дочь тратиться не будет. Государство выделяет на погребение пособие, которого хватит и на колумбарий, но дочь постарается сэкономить. Еще и с холдинга помощь стрясет. В моем пенсионном удостоверении стоит штамп «Ветеран труда». В этом случае, в соответствии с законом, организация обязана участвовать в погребении. Дочь это знает: она у меня умная. Кандидат юридических наук как-никак. Холдинг потратится на автобус, от Союза писателей пришлют венок. У них это отработано. Большая часть членов Союза — старики, а те имеют обыкновение умирать. Союз пришлет делегатов, те посидят, выпьют, толкнут речь о заслугах усопшего, пожелают ему земли пухом. После чего обо мне забудут — как забыли и о других. Кому сегодня интересны писатели? Ведь есть Ютуб, компьютерные игрушки, фильмы, наконец. С ними легче. Все для тебя разжевали, открывай рот и глотай. К чему утруждать мозг? Ну, или то, что у них в черепах...

Воспоминания накатывали солено-горькие, словно океанские волны. Еще там, за Гранью, я осознал:

жизнь прожита зря. И ведь не бездельничал: пахал так, что кости скрипели. У меня было все, что составляло предмет гордости советского человека: семья, квартира, машина, дача... В 90-е все посыпалось. Сначала сбежала жена. «Милый, в Италии щедро оплачивают уход за стариками, я заработаю и вернусь». Ухаживать ей так понравилось, что решила не возвращаться. Дочь-подросток осталась с отцом. Ее нужно было выводить в люди, и я лез из кожи. Репетиторы, вуз, аспирантура, защита диссертации — все требовало денег. Зарплаты не хватало. Но тут выяснилось, что за книги в России стали платить. Для меня начался звездный сезон или каторга — это как считать. Приходя домой, я ужинал и садился за клавиатуру. Стучал по клавишам до глубокой ночи. Утром, невыспавшийся, бежал на работу. Эльфы, орки, гоблины, гномы — вся эта хрень путалась в мозгах, но пипл хавал, книги раскупали, а на мой счет капали вожделенные рубли. Их хватило, чтобы купить дочери трехкомнатную квартиру, а вот на мебель — уже нет. К тому времени в литературу пришел кризис, орки с гоблинами читателю надоели, а ничего другого в голову не приходило. Гонорары иссякли. Дочь с зятем обиделись. Как же, они рассчитывали! Я предложил им зарабатывать самим. Это возмутило их до глубины души. Дочь пыталась уговорить меня сменить мою трехкомнатную квартиру на однокомнатную, разницу, естественно, отдав ей, но тут я уперся. В этих стенах я прожил более тридцати лет, и они для меня много значили. Дочь с зятем ушли, хлопнув дверью, и более не появлялись.

На звонки не отвечали. От чужих людей я узнал, что стал дедом, но внука мне не показали.

Оставалась работа. В 90-е, сообразив, что теряю моторность, я уговорил руководителя одной важной организации учредить журнал. К тому времени издания возникали одно за другим, но прогорали быстро. Мы выжили — команда была хорошей. Работалось интересно. Все фонтанировали идеями, и мы претворяли их в жизнь. Журнал толстел и рос в тираже. Мировой кризис нас не затронул — только окрепли. Журнал знали в стране и за рубежом. Главный редактор в моем лице ездил по конференциям, где выступал с докладами. Их растаскивали на цитаты. У меня брали интервью... А потом у директора холдинга, которому принадлежал журнал, образовался племянник — выпускник журфака. Родного человека следовало пристроить. Для начала его посадили мне заместителем — набраться опыта. Для этого требовалось наличие мозгов, у племянника они отсутствовали. Тем не менее через пару лет он решил, что созрел. Чем меньше человек знает, тем больше у него апломба. Последний контракт со мной продлили ровно до пенсии, после чего уволили.

Племянник угробил журнал за два года. Чтобы создать новое, требуется недюжинный ум, развалить может любой дурак. У племянника вышло блестяще. Для начала он уволил моих людей — они ведь осмеливались спорить! Взамен набрал каких-то мутных дружков. Те смотрели ему в рот и кланялись. Было за что. С их способностями максимум, что им светило, — метла дворника. А тут офис, тепло, уютно, нуж-

но только не забывать вовремя лизнуть шефа в определенное место. Через год тираж журнала упал в три раза, издание село на дотации. Цитировать его перестали. Я видел агонию детища, но помешать не мог. Кто станет слушать списанного в тираж редактора? Оставалось пить...

Сколько времени я предавался размышлениям, понять было трудно. Наверняка долго. Я вспомнил многое. При этом ругался и плевал — фигурально, конечно. Странно, однако новая ипостась не мешала мне испытывать эмоции. В конце концов это надоело. Прошлое осталось там, сейчас следовало подумать о другом. Например, где я и что будет дальше? Ответа не было, окружающее выглядело непонятно. В книгах, которые я читал, посмертие выглядело иначе. Темный тоннель, свет в конце, а там — ангелы и родственники, ушедшие раньше. Далее мнения авторов расходились. Каждый гнул свою версию, но общим было одно: с душой что-то происходило. Но мой комитет по встрече медлил. «Может, никто и не придет?» — мелькнула мысль, и мне стало жутко. Висеть в темноте, неизвестно сколько времени? Да я с ума тут сойду, загрызу себя воспоминаниями. «Господи! — взмолился я. — Великий и всеблагий! Сделай хоть что-нибудь!»

Меня услышали. Вдали показался светлячок. Он походил на пламя свечи, только в отличие от него был белым и прозрачным. Мельтеша, словно бабочка над цветком, он медленно приближался, пока не встал передо мной.

— Испугался? — спросил мужской голос.

Он прозвучал прямо в сознании — громко и отчетливо, по-человечески. Так, что я мог разобрать и оттенки, и тембр.

— Испугался! — признался я.

— Все пугаются, — равнодушно произнес голос. — Разве что праведники радуются. Но тех...

По его тону можно было понять, что праведников он давно не встречал.

— Ты — ангел? — спросил я. — Этот, как его, херувим?

— И шестикрылый серафим тоже! — хмыкнул собеседник. — Какой только хренью не пичкают вас на Земле!

«Надо же, грубит», — удивился я.

— Иначе не понимаете, — пояснил гость. — Стоит проявить милосердие, как сразу начинают кланяться. «А можно мне хотя бы одной ножкой в рай? Я только с краюшку постою», — передразнил он кого-то и тут же деловито спросил: — Просить будешь?

— Нет, — сказал я.

— Почему?

— Все равно не помилуете.

— По крайней мере, самокритично, — одобрил он. — Чего зывал?

— Нужно определиться.

— С чем?

— С местом пребывания.

— Так ты его занял, — сказал гость. Мне показалось, что он пожимает плечами. Интонация, по крайней мере, была такой. — Что заслужил, то и получил. Вот побудешь тут лет эдак двести по вашим меркам,

каждый грех вспомнишь в мельчайших подробностях и за каждый покаешься, — в его голосе чувствовалось нескрываемое злорадство. — Тогда и поговорим о месте.

Я струхнул. Перспектива выглядела маловдохновляющей. Но паника, затопившая сознание, быстро ушла. Если б меня ждало то, о чем говорил посланец, он бы не явился. Тут что-то другое. Темнит «херувим».

«Умный! — раздалось в моем сознании. — Всегда им был. Догадался».

— Меня ждут мытарства? — спросил я.

— Раскатал губу! — хмыкнул он. — Мытарят тех, у кого есть шанс. Или сам оправдается, или за него заступятся. Тебе это не грозит.

— Тогда зачем пришел? — вздохнул я.

— Послали... — огорченно проронил он. — Ты — хитрый! Успел сказать.

— Что? — удивился я. — Когда? Постой... Перед тем как грохнуть на пол в прихожей, я что-то проговорил. Ну да! «Господи, Иисусе Христе, помилуй меня грешного!»

— Да еще трезвый был, — подтвердил гость. — Молитвы пьяных Он не принимает. Так что будет тебе милость, раб Божий. Отправишься назад и проживешь жизнь, как заповедано Им. Если сможешь.

В его голосе читалось неприкрытое сомнение.

— Э-э, нет! — запротестовал я. — Умер так умер! Не хочу!

— А кто тебя спрашивает? — вновь хмыкнул он, и от белого облачка ко мне протянулся луч. Он коснулся моего сознания и...

* * *

Я открыл глаза. Вокруг было темно. Но не так, как только что в непроглядной взвеси. В полумраке виднелась дверь и раковина умывальника в углу. Я поднял голову и осмотрелся. Узкая, как пенал, комната с одним окном. Напротив окна — дверь. По обеим сторонам длинных стен — койки, возле каждой — тумбочка и стул. Всех коек четыре, три из них заняты, включая мою. Больничная палата, это к гадалке не ходи.

«Все-таки меня откачали, — пришло понимание. — А то, что я видел и слышал, — галлюцинация. Вкололи какую-то дрянь...»

Я почувствовал облегчение. Хоть и не цеплялся за жизнь, но пережитое только что пугало. Пусть даже это был глюк.

Возле моей кровати не наблюдалось никакой аппаратуры. Даже капельницы. И вообще палата не походила на реанимацию. Значит, не инфаркт. В кардиологии мне доводилось бывать — друзей навещал. Обстановка там другая.

Я осторожно сел и прислушался к себе. Удивительно, но нигде не болело. Ни в груди, ни в колене (мой застарелый артроз), даже спина не ныла. Обезболивающих явно не пожалели. В диссонанс этой мысли внезапно засаднил лоб. Я поднял руку и нащупал бинт. Ага! Суду все ясно. Падая, я, видимо, приложился лбом. Наверное, хорошо рассек, если забинтовали. И шов есть, иначе залепили бы пластырем. Это не беда. Я не модель, физиономией не торгую.

Подумав, я встал. Организм требовал кое-куда заглянуть. Меня не качнуло и не повело. Я вообще чувствовал себя прекрасно, если не принимать во внимание рассаженный лоб, конечно. Одежды на стуле не наблюдалось, и я в одних трусах вышел в коридор.

Здесь был свет. Тусклый и желтый. В подвешенных к потолку плафонах горели лампы накаливания. «Совсем не экономят электроэнергию, — мелькнула мысль. — Госконтроля на них нет. Они за энерго-сбережение глотку выгрызут».

Коридор выглядел убого. Крашенные голубой краской стены, беленый потолок, коричневый линолеум под ногами. Неподалеку виднелся стол дежурной, но ее самой не было. «Это куда меня завезли? — думал я, шлепая в конец коридора. — По уму должны были в «девятку», она ближе. Но там такого убожества точно нет, приходилось бывать». Туалет наконец найден, и я протянул руку к двери. И замер: рука была грязной! Причем измазюкана капитально, как будто копался в моторе. Я поднес к глазам левую руку — та была точно такой. Это где ж меня угораздило? По асфальту, что ли, тащили?

Организм вдруг резко напомнил, зачем я здесь. Ладно, потом выясним. В туалете горел свет. Умывальник здесь был, так же как и мыло — розовое и размокшее. Ополоснув руки — грязь сошла с них удивительно легко, я вытер ладони о вафельное полотенце и скользнул в кабинку. Струя зажурчала в унитаз. Блаженство! Я подтянул трусы и вдруг замер. Это тело не могло быть моим! Где живот, закрывав-